

Глава 1

Она выбрала удобную позицию для наблюдения — выбрала уже неделю назад, когда в первый раз пришла сюда следить за квартирой. Но теперь ей казалось, что место неудачное, ее увидят... Увидят соседи — вдруг кто-то выйдет на площадку, и тогда весь план провален. А может быть, какая-нибудь любознательная бабка уже смотрит в глазок и сейчас откроет двери и сладким голосом спросит: «Лизочка, а ты что тут делаешь?» «Самое худшее, — сказала она себе, — что меня все тут знают. Меня сразу найдут. Я сошла с ума, раз пришла сюда! Половина девятого. Где же они?!»

Ей послышался какой-то шум площадкой ниже. Сперва, не совладав с собой, она отпрянула назад, прижалась к стене. Потом приказала себе быть смелой, сделала маленький шагок вперед и посмотрела вниз сквозь шахту лифта. Дом был старый, и лифт был допотопный — деревянная кабина ездил вверх-вниз по лестничному проему, окруженному проволочной сеткой. На лестнице было сумрачно, и если бы кто-то внизу поднял случайно голову, он не увидел бы Лизу за такой «вуалью». Но ничего не было. Руки у нее тряслись, она поспешно открыла большую кожаную сумку, висевшую на плече, и проверила, не забыла ли перчатки. Нет, вот они — черные, шелковые, перчатки роковой женщины, перчатки воровки. «Я им всем покажу! — сказала про себя

Лиза. — Подожди, мерзавец, подожди... Даже если меня засекут, ты меня не посадишь, нет... Побоишься скандала, захочешь быть чистеньким... О, сейчас тебе просто необходимо быть чистеньким, ты сейчас просто ангел небесный... А ангелы в суд не подают — они прощают, и ты простишь!»

Легкий, еле слышный щелчок, потом еще один — кто-то внизу открывал замок. Этот звук был так знаком ей — три года она каждый день щелкала вот так этими замками — сперва верхним, потом нижним. Потом открывала дверь.

И сейчас дверь открылась. Лиза молниеносно присела на корточки, стараясь стать как можно незаметней. Она уже не думала, что боится, не думала, что кого-то ненавидит... У нее вдруг появилось захватывающее чувство охотника, который сидит в засаде и подстерегает дичь. «Как я и думала, — сказала она себе. — Девчонке пора в школу».

Действительно, на площадку вышла девочка лет восьми-девяти на вид, в красном джинсовом костюмчике, с ярким рюкзачком, повисшим на одном плече. Мягко ступая кроссовками, она стала спускаться по лестнице, даже не посмотрев вверх, на Лизу. Голову девочка держала опущенной, словно была обижена или не проснулась окончательно. На ее светлые волосы упал солнечный луч из окна на площадке, вспыхнул и исчез. Лиза перевела дух и посмотрела на часы. «Без пятнадцати девять. Семья начинает расходиться. Интересно, кто выйдет сейчас?»

Вышел он. Лиза узнала его прежде, чем увидела, по тому, как стукнуло сердце. «Я тебя ненавижу, ненавижу... — быстро повторила она про себя, чтобы набраться храбрости. — Ах, какие мы нарядные, какие мы красивые! Что же ты не побрился, ангел мой? Непростительно при новой-то жене! Или она и так любит? Конечно, в тридцать два года что же ей еще делать... И ты при ней постарел, почти ее ровесник стал... Какие круги

под глазами...» Он стоял на площадке перед дверью, почему-то не торопясь уйти. Лифт он не вызвал, просто стоял, засунув руки в карманы светлой замшевой куртки, глядя прямо перед собой отсутствующими глазами. Лиза сомневалась, видит ли он что-нибудь вообще или нет. Она жадно смотрела на это лицо, узнавая и не узнавая его. Конечно, это его лицо, ей ли не знать. Загорелое, выхолощенное лицо, высоко очерченные брови, такие аккуратные, словно их выщипали и подрисовали, круглые глаза чуть навывкате, две морщинки возле губ — словно он вот-вот широко улыбнется... Темные волосы ежиком, и эта манера поднимать одно плечо чуть выше другого и стоять на расставленных ногах, чуть покачиваясь взад-вперед... «Чего ты ждешь? — мысленно спрашивала она его. — Зачем ты тут стоишь? Что случилось?» А она уже видела, что что-то случилось. Эти глаза, бессмысленно глядящие прямо перед собой. «Ты что-то обдумываешь, ты нервничаешь, — разглядывала его Лиза. — Поссорился с женой? Что ж, давно пора, медовый месяц позади... Женщины надоедали тебе и за несколько дней, а вы прожили уже четыре месяца. Раскаиваешься? Устал от нее? А может быть... Думаешь обо мне? Ну, подними голову! — вдруг мысленно прокричала она, сорвавшись. — Подними голову, дурак проклятый, посмотри на меня, посмотри, до чего ты меня довел, скажи, что ошибся! Посмотри на меня, чего ты ждешь!»

И вдруг, словно услышав ее мысли, он поднял голову — совсем чуть-чуть — и посмотрел прямо на нее, как показалось Лизе. Во всяком случае, он, не мигая, разглядывал шахту лифта, упершись взглядом в одну точку — ту самую, где находилось ее лицо. Лиза, как замороженная, отвечала ему таким же застывшим взглядом. Она в этот миг забыла, как точно все просчитала. Он не мог ее видеть — площадка, где он стоял, освещалась снизу светом из окна на лестнице, а то окно, которое могло бы осветить Лизу, было забито фанерой уже много

лет, свет в него не проникал. Она его видела прекрасно, а он ее — сквозь двойную сетку и темноту — нет. И все же ей казалось, что они видят друг друга, что еще миг — и он ей что-то скажет. «Привет, козочка, как жизнь?» или что-то в этом роде. Но он ничего не сказал, опустил голову, нажал кнопку вызова лифта. Где-то наверху в шахте что-то лязгнуло, дрогнуло, и кабина поехала вниз. Вот ее стена проплыла прямо у Лизы перед глазами, скрыла от нее мужчину на площадке. Она услышала, как он открывает дверь, как входит, как лязгает защелка на двери шахты... «Прощай, — сказала она ему, — больше я тебя не увижу. Прощай, Олег». Кабина уехала вниз.

Лиза снова посмотрела на часы. Почти девять. Она подняла руку, откинула со лба волосы, черная блестящая челка лезла ей в глаза. Ей было жарко, руки снова дрожали. Эта встреча не прошла даром. Она много раз представляла себе, как снова увидит его, и всегда по-разному. Она увидит его и ничего не почувствует. Он увидит ее и почувствует, что не может без нее жить. Они увидят друг друга и почувствуют... Ну, словом, что-то почувствуют. Но в действительности все вышло куда проще. Он не увидел ее — она была в этом уверена. А она чувствовала теперь странный нервный жар, легкую тошноту, дрожь в руках, в ногах, в груди, слева, где сердце. И еще — свое полное ничтожество. «Да, я просто ничтожество, — повторяла она про себя. — Таких и бросают, и правильно делают, что бросают. Говорила себе все эти месяцы, что ненавидишь его, а теперь готова убежать отсюда, ничего не делать, изменить своему плану. Только из-за его глаз, из-за его взгляда. Да что там врать про глаза — из-за него самого, такого, какой он есть, не лучше и не хуже... Я думала, что ненавижу, и по крайней мере за это себя уважала. Говорила ему — я ненавижу тебя! Но я врала, все эти месяцы врала. Я его не могу возненавидеть. Никогда».

На лестнице появился кот. Лиза узнала его — он принадлежал старухе с пятого этажа. Кот тоже

узнал Лизу и стал тереться о ее ноги, громко мурлыча, напрягая спину и хвост, потом попытался забраться к ней на руки. «Этого мне не хватало! — подумала Лиза. — Как он мурлычет, Господи, целый оркестр! Хоть бы молчал...» Она попыталась прогнать кота, но он не уходил, снова лез к ней. В это время дверь внизу снова открылась, и на площадку вышла женщина. Лиза перестала слышать песенку кота, вообще перестала что-либо слышать. Женщина была в светлом, с оттенком розового, плаще, в бежевой юбке и яркой шелковой блузке. Туфли на каблуках, коротко стриженные светлые волосы, почти не накрашенное лицо. Она несколько раз проверила, хорошо ли заперта дверь, торопливо нажала кнопку лифта, стала рыться в сумочке — тоже что-то проверяла. На этот раз лифт поднялся снизу, женщина хлопнула дверью и уехала.

Теперь Лизе снова предстояло ждать. Она дала себе десять минут — на тот случай, если кто-то вернется, забыв какую-то мелочь. Эти десять минут она старалась ни о чем не думать, кроме своего плана. Кот поскучал и ушел. В подъезде было тихо — здесь жили либо одинокие старухи в запущенных коммуналках, либо вообще никто не жил — многие квартиры были выкуплены, в них делался евроремонт, они предназначались для продажи, но покупали их вяло — цены назначались астрономические — дом солидный, начала века, с колоннами по фасаду, центр Москвы, район Покровского бульвара... Лиза могла не опасаться нежелательных встреч. На исходе девятой минуты она натянула перчатки, вынула из сумки ключи и спустилась вниз. Замки Олег не сменил. Когда она уходила из этой квартиры, то вернула ему ключи. Ему и в голову не пришло, что Лиза сделала себе дубликаты. Она и сама почти забыла об этом — все те дни она была не в себе, корчилась днями и ночами от боли, злости, ревности, устраивала сцены Олегу, требовала объяснений... Но слышала в ответ одно: «Давай

выметайся! Сколько можно!..» И она вымелась — вымелась с несколькими сумками, набитыми вещами, без гроша в кармане, без претензий на квартиру, без надежд... Но с дубликатами ключей от входной двери. Мать Лизы и ее старший брат называли ее дурой. «Ты три года была за ним замужем, ты могла претендовать на площадь!» — кричала мать. «Идиотка, неужели ничего нельзя было сделать!» — возмущался брат. Лиза сидела, крепко закрыв лицо ладонями, мотала головой, кусала губы, старалась не слушать, а потом срывалась и орала: «Да не могла я ни на что претендовать! Он с самого начала сделал так, что я ничего не могла! Я не была даже там прописана, мам, ты же сама это знаешь! Кто мне сказал — не выписывайся от меня, а то потом обратно не пропишут, кто сказал — я тебе когда-нибудь квартиру завещаю! Не ты?! Так вот тебе — прописана я у тебя, завещаю тебе квартиру... Лет через пятьдесят! А свидетельством о браке можно одно место подтереть! Детей у нас не было, а юрист мне объяснил, что эта квартира — не совместно нажитое имущество супругов, он ее приобрел до брака со мной... Я должна была выметаться! И хватит!» — «Но кто бы мог подумать, что Олег — такой подлец... — причитала мать. — Он был такой порядочный, такой...» — «Щедрый!» — сквозь зубы цедила Лиза, вытаскивала из сумки сигарету и курила, уставившись в потолок. Ее вещи стояли неразобранными у матери, у нее руки не поднимались повесить их в шкаф. Это означало бы полную капитуляцию. Мать с братом недолго совещались, как быть с Лизой. Он привез ее в свою однокомнатную квартирку на окраине Москвы, отдал ей ключи и счел свой долг исполненным. Сам он жил у своей девушки, на которой уже полгода собирался жениться. «Живи, сколько хочешь, — сказал он Лизе, — но на материальную помощь не рассчитывай. Я не могу тебя содержать. Мать тоже. Тебе, в конце концов, двадцать четыре года, пора работать!»

на ногу, локти упираются в колени, подбородок лежит на ладонях, глаза закрыты. «Или найди себе еще одного Олега!» — в сердцах сказал брат и вышел, хлопнув дверью. Лиза посидела еще немного, потом встала, прошла на кухню. На столе она увидела несколько пятидесятирублевых купюр — брат, несмотря на свои слова, оставил. Она сунула их в карман, попила воды из-под крана, открыла окно и заплакала. Прошел один месяц, потом второй, потом третий... Лиза делала вид, что живет, делала вид, что ищет работу, делала вид, что ест... Ела она очень мало и невкусно: какую-нибудь кашу, или жареную картошку, или подсушенный в духовке хлеб. Денег не просила ни у матери, ни у брата. Ей было все равно. Мать каждый день звонила ей и читала нотации, Лиза молчала. Брат несколько раз приходил, дал еще немного денег. Лиза взяла их и кивнула: «Спасибо». Целыми днями она лежала на диване, закрыв глаза, и перед нею возникали картинки из ее прошлой жизни. Олег и она — в машине, едут за город, окно открыто, и ветер бьет ей прямо в лицо. Олег дарит ей на день рождения цветы и флакон ее любимых духов «Же озе». А вот она сама, Лиза, — идет по Тверской, улыбаясь своему отражению в витринах. Она видит свое лицо, свою черную челку, свои голубые глаза, свой взгляд — внимательный и смеющийся одновременно, свой широковатый и все же изящный нос, свои губы козьего рисунка... Из-за этих губ Олег называл ее «козочка». И еще из-за походки — идет стремительно и как будто чуть подпрыгивает. Она красива, и на нее все смотрят. Или ей кажется, что смотрят. У нее угловатое тело, порывистые движения, и Олег говорит ей, что она похожа на Уму Турман из «Криминального чтива». Это ей льстит. И еще картинка — искаженное лицо Олега. «Выметайся, — говорит он, — я не могу больше с тобой жить! Не изображай из себя ребенка, мне это надоело!» Она глядит на него широко раскрытыми глазами, ничего не понимая — все слишком внезапно.

Потом она плачет, и слезы затекают ей в уголок рта. Она глотает их и крепко зажмуривается, а слезы все текут и текут, как в детстве, когда не можешь остановиться, ничего не можешь, кроме как плакать. «За что? — кричит она. — За что? Дело во мне? Я что-то сделала не так? Но я была такая, как всегда...» — «Вот именно. — Он отворачивается и отходит к окну. — Ты всегда одинаковая. Тебе ничего не объяснишь. Лиза, сделай мне подарок, уйди! Уйди!» — «Но ведь та женщина старше тебя! — говорит она, подходя к нему сзади. — Ты сам сказал, ей тридцать два года! Я не понимаю... У нее большая дочь, ей восемь лет, ты сам сказал! Она замужем! Я не понимаю! Ты же всегда любил молоденьких девочек, а она старше тебя на четыре года!» Он молчит и смотрит в окно.

И вот в один из дней Лиза увидела еще одну картинку. Сперва она не поняла, что именно она видит, — такого никогда не было в ее жизни. Девушка с черными гладкими волосами сидела на лестнице. Лестницу Лиза узнала, это был тот дом, где они жили с Олегом. Девушка ждала, пока из квартиры выйдут ее обитатели. Это была та квартира, где они прожили три года. Из квартиры вышел Олег, потом — девочка, которой надо было в школу, потом — женщина со светлыми, коротко остриженными волосами... И женщину Лиза тоже узнала — она была именно такой, какой описал ее Олег. Потом девушка, которая сидела на лестнице, встала, спустилась и открыла дверь квартиры. Тут картинка исчезла, но Лиза успела узнать девушку. Это была она сама.

И вот теперь она наяву стояла и открывала замки — сперва верхний, потом нижний... Дверь открылась бесшумно, и Лиза вошла, заперев ее за собой. Теперь она ни за что не убежала бы отсюда. Ей в голову пришла шальная мысль — сесть в столовой, налить себе джина с тоником (этот напиток Олег просто обожал, и джин у него всегда был) и дожждаться его прихода. А потом весело сказать: «Не сердись, что зашла? Мне кажется,

я кое-что тут забыла...» А когда он взбесится и закричит: «Что?!» — она ответит: «Все! Я никуда отсюда не уйду! Это и мой дом тоже...» И плакать она не будет, будет сидеть здесь, весело улыбаться, нагло смотреть ему в глаза... Он, наверное, предложит ей денег, может быть, даже швырнет в лицо. Он ведь кричал, когда она не хотела уходить: «Тебе денег надо, да?! Но ты ничего от меня не получишь, три года сидела на шее!» Он даст ей денег, но она откажется... Но, подумав об этом, Лиза чуть не рассмеялась на самом деле и покачала головой: «Нет, это уж слишком! Конечно, я взяла бы деньги. Мне надо жить, а жизнь мне поломал он. Это он не позволял мне ни учиться, ни работать. Сделал из меня красивую куклу только для своего пользования. Конечно, и я виновата в этом. Не надо было подчиняться его капризам, надо было жить своей жизнью... Да что теперь думать! Вот — теперь у меня только своя жизнь, и я никак не могу начать ею жить... Чтобы начать, нужны деньги. Нужна независимость. Значит, деньги надо взять. Не просить, не плакать, а взять. И я возьму. Я всегда только просила или молчала, а теперь я просто возьму. Наверное, я втайне думала об этом еще тогда, когда заказывала дубликаты ключей...»

В квартире кое-что переставили за эти месяцы, но ориентировалась она все равно легко. Первая комната по коридору все еще выполняла функцию столовой. Большой овальный стол, горка для посуды, уютный велюровый диван, два кресла, моноблок «Филиппс», полки с видеокассетами, белая напольная ваза с японской сосной... Насколько знала Лиза, здесь брать было нечего, не выносить же телевизор... Она прошла в комнату напротив по коридору. Это была спальня. Та самая огромная кровать, две светлые тумбочки со светильниками интимного света, зеркало в бронзовой раме... В этом зеркале часто отражалось ее тело — обнаженное, золотистое, и его загорелые руки казались на ее коже еще темнее... Шкаф с одеждой был приоткрыт, Лиза подошла к нему

и распахнула дверцы настееж. Чужие платья на плечиках, где висели когда-то ее платья... Явилось мгновенное желание разорвать все в клочки, но Лиза удержалась — это было бы все равно что расписаться: «Здесь была я!» К платьям она не притронулась, зато его вещи перешукала до последней нитки. Нашла в разных карманах скомканные бумажки — не очень большую сумму. Тряхнула брюки, лежавшие на дне шкафа, обнаружила там пятьдесят долларов. Сжала зубы — действительность оказывалась не такой щедрой, как фантазии. Но она ведь помнила, что обычно его карманы были набиты деньгами! Раньше, когда ей нужны были деньги, она просто лезла в шкаф, и он даже ничего не замечал... Больше в шкафу она ничего не нашла. Захлопнула дверцы, еще раз осмотрела спальню. На глаза ей попался женский бюстгальтер — размера на два больше, чем у нее. Она скривила лицо в гримасу, торопливо открыла обе тумбочки. Одна явно принадлежала новой хозяйке — гигиенические тампоны, упаковка с колготками телесного цвета, какая-то книжка на немецком языке... Другая принадлежала Олегу. Там она обнаружила кое-что стоящее — шикарные часы «Шопард» с плавающими бриллиантами, совсем новые, в коробочке. Видно было, что их ни разу не надевали. Лиза взяла коробочку в руки. «Это женские часы, — подумала она. — Боже, какая роскошь! Сколько они могут стоить?! Огромные деньги — баксов тысячу, нет, больше, больше... Почему они лежат тут, у Олега? Может быть, купил для нее и еще не успел подарить? Мы исправим эту ошибку!» Она сунула часы в карман сумки и застегнула ее на молнию. Настроение поднималось, и вместе с ним поднималась горячая злоба — в этой квартире люди жили, а не умирали, как она, ходили на работу, отвозили ребенка в школу, дарили подарки... Ее выгнали, чтобы она не мешала этой жизни, чтобы не совалась в нее, чтобы исчезла навсегда... «Я исчезну! — пообещала она Олегу мысленно. — Но ты меня запомнишь!»